

© 2016 г.

А.В. КИВА

ЧТО РОССИЯ МОГЛА БЫ ПОЗАИМСТВОВАТЬ ИЗ ОПЫТА РЕФОРМ В КИТАЕ

Сейчас, когда Китай успешно провел индустриализацию и создал мощный инновационный сектор, став второй экономикой в мире; когда юань в нынешнем году войдет в число мировых резервных валют, у многих возникают вопросы. Почему реформы в Китайской Народной Республике (КНР) дали такие блестящие результаты, а в Российской Федерации (РФ) отбросили страну назад? И почему мы не могли позаимствовать в КНР методы их преобразований? Ведь и они, и мы вышли примерно из одной и той же той же “шинели извращенного марксизма”. Притом что до начала реформ у нас было больше преимуществ для их успеха, чем в Китае. Экономика России примерно в три раза превосходила китайскую, у нас была огромная армия ученых, инженерно-технических работников, мы располагали обширными и разнообразными природными ресурсами, дающей быструю валютную выручку развитым нефтегазовым сектором. А отдельные отрасли экономики были на мировом уровне, но какие-то из них исчезли в 90-е годы XX в., а какие-то, понеся потери, сохранились, как космическая и ядерная энергетика.

Китай же, пройдя через политику “большого скачка” (1958–1960) и “культурной революции” (1966–1976) не имел ни современного производства, ни развитой науки, ни так остро необходимых для масштабных реформ кадров специалистов. То, что обеспечило успех китайских реформ, уже многими, в том числе автором этой статьи, было проговорено¹. Поэтому я лишь вкратце изложу составляющие глубоких перемен в Китае, которые в своей совокупности имеют право называться революционными, поскольку они привели к смене вектора общественного развития. КНР только по названию является коммунистической страной, на деле же она уже давно, говоря словами В.И. Ленина, идет по дорожке капитализма. Много лет проработавший в КНР ныне живущий в США австралийский писатель и журналист Р. МакГрегор сказал: “Китай является коммунистическим только по названию”². В научной литературе такие глубокие общественные перемены называются “революцией сверху”, т.е. осуществляемые самой властью, в отличие от “революции снизу”, когда власть берут низы, как это происходило во Франции в 1789 г. или в России в 1917 г.

На что следует указать? На то, что взявший реальную власть в стране Дэн Сяопин сформировал команду реформаторов, которая, изучив опыт нашего нэпа, реформ в Венгрии и таких успешных стран, как Южная Корея и Сингапур (и даже пригласив в страну для беседы “крестного отца неolibеализма”, лауреата Нобелевской премии американца М. Фридмана), создала собственную и во многом неповторимую модель

Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

¹ Кива А.В. Реформы в Китае и России: сравнительный анализ. М., 2015, с. 43–91.

² McGregor R. 5 Myths About the Chinese Communist Party. — <http://foreignpolicy.com/2011/01/03/5-myths-about-the-chinese-communist-party/>

реформ не только экономической, но и политической системы. Ее важнейшей составляющей стала ориентация на развитие промышленности и высоких технологий. Однако первоначально был сделан акцент на подъем сельского хозяйства, чтобы избавиться от голода, от которого в годы правления Мао Цзэдуна страдали десятки, если не сотни, миллионов китайцев. Было необходимо создать свободные экономические зоны (СЭЗ) разного назначения, привлечь в Поднебесную из высокоразвитых стран капитал, технику и технологии, а также получить опыт современного менеджмента. Была поставлена задача: готовить кадры специалистов в лучших университетах развитых стран и прежде всего США, а также приглашать для работы и чтения лекций в китайских университетах крупных зарубежных ученых. Власть призвала отличающуюся особой привязанности к матери-родине разбросанную по миру богатую китайскую общину (“хуацяо”) вкладывать капитал, знания и опыт в возрождение Поднебесной. В отношении наследия Мао Цзэдуна Дэн Сяопин сказал так: он (Мао) только на 30% неправ, но на 70% прав. С одной стороны, разоблачение политики Мао могло бы расколоть общество в период, когда требовалось его сплочения перед началом трудных реформ. С другой стороны, был сделан акцент на том положительном, что связано с деятельностью Мао. Имеется в виду прежде всего то, что под руководством Мао Цзэдуна из Китая были изгнаны японские оккупанты, одержана победа в Гражданской войне над сторонниками партии Гоминьдан, так или иначе связанной с помещичье-феодальными силами и военными кликами, благодаря чему произошло объединение страны и 1 октября 1949 г. создана КНР. В годы правления Мао Китай стал ядерной державой, тем самым была исключена возможность агрессии со стороны внешних сил, от чего страна страдала в течение более 100 последних лет.

Командой Дэна было также решено не менять привычные для народа названия страны, правящей партии и т.д., но наполнять их новым содержанием. Так, компартия по факту стала государственной структурой, осуществляющей преобразования буржуазного характера и постепенно меняющей свой социальный состав и свою идеологию. Единственным исключением стала стратегическая задача и правящей партии, и государства – построение не коммунизма, как было раньше, а социализма с китайской спецификой. Но поскольку, согласно заявлениям руководителей, на это может уйти 50 и даже 100 лет, то появилась промежуточная цель – построить так называемое общество средней зажиточности (“сяокан”). Имеется в виду ликвидировать в стране нищету и обеспечить граждан жизненно необходимыми благами – работой, жильем, возможностью учиться, лечиться и т.д. К слову сказать, понятие “сяокан” было выдвинуто еще Конфуцием, идеи которого в постмаоистскую эпоху являются высокочтимыми в Китае. Если в годы правления Мао Цзэдуна Пекин распространял в мире идеи маоизма, то ныне – идеи Конфуция.

Важной задачей команды Дэн Сяопина стало создание в экономике и политике конкурентной среды. В экономике это было достигнуто в результате создания разных форм собственности и обеспечения для них равных условий. Как это делалось, рассказывал питомец Гарвардского университета, доктор экономических наук Дж. Андерсон, который в течение 8 лет был представителем Международного валютного фонда (МВФ) в Китае (и три года в России): “Если ты поедешь в Индонезию, на Филиппины, в Бразилию – там все по старой схеме: 1–2 больших агрегата, которые нефть перерабатывают, 1–2 большие авиалинии, единая сеть производства электричества, сталь – три больших завода – очень монополизированная среда, свойственная для развивающихся рынков. В Китае – ничего подобного. Там 20 авиалиний, все государственные, но жестко конкурируют друг с другом, причем без субсидий от правительства. Стальных заводов – чуть ли не тысячи. Производителей электричества – десятки. Telecommunications – тоже большая конкуренция, множество фирм. Монополизации вообще нет в Китае”.

Сложной задачей, однако, стало добиться конкурентоспособности предприятий госсектора, в котором к началу реформ было занято не менее 100 млн работников. Власть “в 80-е даже не смотрели на экономические результаты, – продолжает

Андерсон: если вы убыточны – пожалуйста, субсидируем, дадим, разберемся. В середине 90-х этого уже не было. Известна статистика: с 1996 по 2001 год Пекин закрыл – просто закрыл – десятки тысяч госпредприятий, уволил в течение пяти лет чуть ли не 30 000 000 государственных рабочих и отправил их домой. Конечно, в процентном отношении в Китае это не половина всей рабочей силы, но все-таки 30 000 000 – это больше, чем работает во всей Корее. И все они ушли в частный сектор, их не устраивало на новую работу государство. С тех пор всем стало предельно ясно: реально убыточное предприятие сразу же подлежит закрытию и распродаже”.

Острая конкуренция на деле охватывает все сферы экономической и общественной жизни. Идет борьба за пассажиров между воздушным транспортом и скоростными железными дорогами. Конкурируют между собой провинции, местные и иностранные производители машин, оборудования, гаджетов; университеты, школы, выпускники западных и престижных местных университетов. Конкуренция выходит на мировой уровень. Китайские технологические компании стремятся отвоевать себе как можно большую долю продукции у американских, южнокорейских и японских производителей и т.д. Все большее число вузов КНР попадает в число 100 лучших в мире университетов, первые места по уровню грамотности все чаще достаются школьникам Шанхая и других китайских мегаполисов.

И еще процитирую Андерсона. “Если 20–30 лет назад, – замечает он, – пятилетний план (Китай. – *А.К.*) выглядел как книга, то на сегодняшний день это маленький документик, который излагает лишь общие параметры макроэкономики. Уже нет отраслевых балансов, уже нет обязательных планов. Даже самые крупные инвестиционные отраслевые проекты сейчас не подлежат согласованию ни на центральном, ни на местном уровне... Если смотреть на экономику, следов социалистической системы почти не осталось. Если говорить о ресурсах, которыми владеет или которые контролирует правительство, то налоговый сбор, вообще бюджетные средства, которые идут в пользу государства, намного меньше по отношению к ВВП, чем в России”³.

И вот парадокс! В “коммунистическом Китае” в ВВП доля частного капитала является преобладающей, экономика конкурентна, признана в мире рыночной, в то время как в “капиталистической России” она сильно монополизирована и преобладающей долей в ВВП является государственный капитал. В КНР меняется и экономическая модель – совершается переход от количества (“мировой фабрики”) к качеству (“экономике знаний”), т.е. выпуску высокотехнологичной продукции. У нас происходит все наоборот: все последние годы доля сырья в ВВП постоянно возрастала, а промышленное производство и высокие технологии топтались на месте, если не деградировали.

Конкуренция имеет место и в политической жизни, несмотря на то, что Китай по факту остается однопартийной системой. Есть, конечно, Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК), который объединяет 8 небольших партий, представляющих общественные организации и деловые круги, в том числе Гонконга, Макао, Тайваня и “хуацяо”. Но они являются “партиями-саттелитами” КПК, но не ее конкурентами. НПКСК в чем-то похож на Общественную палату РФ, однако имеет более долгую историю, поскольку в момент создания КНР выполнял роль парламента. Да и пользуется большим влиянием в обществе: НПКСК имеет своих депутатов в парламенте КНР – Всекитайском собрании народных представителей (ВСНП) и перед его сессиями на своих сессиях обсуждает те вопросы, которые выносятся на решение ВСНП как органа государственной и законодательной власти, и эти обсуждения, как правило, имеют открытый, свободный характер.

Но в чем проявляется конкуренция в политической системе? Пройдя через исторический этап диктатуры Мао Цзэдуна, которая стоила народу миллионов жизней и массового голода, и не желая ее повторения, Дэн Сяопин настоял на регулярной сменяемости высшей власти. А именно: генеральный секретарь ЦК Коммунистической

³ Андерсон Дж. Экономический рост и государство в Китае. Лекция. – <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=711>

партии Китая (КПК), он же обычно избирается и председателем КНР, а также премьер могут занимать свои посты не более двух сроков каждый по пять лет, что и было записано в устав КПК и конституцию КНР. Смена двух первых лиц обычно влечет за собой и обновление высшего звена партийного и государственного аппарата. Что это дает? Во власть приходят новые люди с неистраченным потенциалом и новыми идеями, и они продвигают вперед реформы. Притом что это еще и является прививкой против злоупотребления властью, поскольку уходящие с постов руководители не пользуются иммунитетом и могут предстать перед судом, как и простые граждане. И уже есть немало случаев, когда бывшие руководители высшего звена КПК и госорганов были осуждены за коррупцию и злоупотребление властью. И в то же время руководство в КНР носит коллективный характер. Кроме Политбюро ЦК КПК в широком составе, есть Постоянный комитет Политбюро (ныне из 7 человек), который решает все важные вопросы текущего характера. Принципиально же значимые для государства решения принимаются на пленумах и съездах компартии.

Еще при Дэн Сяопине была введена практика: первое лицо в партии и государстве стали называть лидером своего поколения руководителей. Лидером первого поколения руководителей считается Мао Цзэдун, лидером второго – Дэн Сяопин. Он, стоит подчеркнуть, формально не был ни лидером КПК, ни председателем КНР. В годы правления Мао он был генеральным секретарем ЦК КПК, но эта должность тогда была во многом технической, лидером партии был ее председатель (Мао), у которого были и заместители. Потом Дэн был заместителем премьера Госсовета (правительства), начальником генерального штаба Народно-освободительной армии Китая (НОАК), председателем Военного совета КПК. Эта, как может показаться, отнюдь не ключевая должность на деле играла очень большую роль в партии и государстве. Но “главной должностью” Дэна был его непререкаемый авторитет. Это и позволило ему за попытку ускорить политические перемены и тем самым подорвать ход реформ добиться снятия с поста генерального секретаря ЦК КПК (уже лидера партии после упразднения должности ее председателя) его давних сторонников – вначале Ху Яобана (1980–1987), а затем и Чжао Цзыяна (1987–1989), которого в партийных кругах КНР за сходство во взглядах называли “китайским Горбачевым”.

Дэн Сяопин определил и внешнюю политику Китая на многие годы вперед. Передам это словами академика РАН, директора Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко: “Дэн Сяопин, уходя, как он сказал, на встречу с Марксом, оставил китайцам завещание: не высовываться, ничего не возглавлять, проявлять скромность, осмотрительность, не вмешиваться в чужие дела, заниматься экономикой, собственным развитием, создавать впечатление активной деятельности и выжидать своего времени”⁴. В России не оказалось руководителя масштаба Дэн Сяопина, который бы оставил свое напутствие новому поколению руководителей. И мы фактически делаем все наоборот: экономика в глубоком кризисе, жизнь народа ухудшается и надо бросить все средства и силы на развитие промышленности, человеческого капитала, высоких технологий, а мы расходует огромные средства то на спортивные цели, то на решение внешнеполитических задач, то на помощь другим странам.

Регулярная сменяемость высшей власти важна еще и потому, что каждое поколение руководителей вносит свои коррективы в реформы по мере их развития. Решение о проведении реформ, названных “Реформа и открытость”, было принято на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1979 г., а 7 марта 1985 г. Дэн Сяопин сказал: “Цель социализма не в создании поляризации, а в том, чтобы сделать зажиточным весь народ. Если наша политика вызовет поляризацию, то это будет значить, что мы проиграли. Если у нас появится какая-нибудь новая буржуазия, то это будет означать, что мы, действительно, свернули на ошибочный путь. Мы выступаем за то, чтобы часть районов становилась зажиточной раньше других именно для того, чтобы районы, первые

⁴ Академик-китаевед родом с Алтая высказал свое мнение о современном Китае. — <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=47265>

пришедшие к зажиточности, помогали отсталым районам в деле их лучшего развития. По этой же причине мы стоим за то, чтобы часть людей раньше других переходила к зажиточной жизни (отсюда его лозунг: “Пусть в стране будет больше богатых!” — *А.К.*), чтобы та часть людей, которая уже стала зажиточной, помогала остальным идти к зажиточной жизни. Мы не за поляризацию”⁵.

Однако по мере развития реформ ускорилось социальное расслоение китайского общества и встал вопрос о том, как быть с быстро растущим классом предпринимателей, зажиточными слоями общества вообще. Игнорировать их или позволить им создавать свои партии? Ведь лозунг Дэн Сяопина “Пусть в стране будет больше богатых!” никто не отменял. В этих условиях лидер третьего поколения руководителей Цзян Цзэминь (в 1989–2002 гг. — генсек ЦК КПК и в 1993–2003 гг. — председатель КНР) во время инспекционной поездки в быстро растущую и самую богатую провинцию Гуандун в феврале 2000 г. озвучил идею “тройного представительства” в КПК: “передовых производительных сил Китая, прогрессивного направления передовой китайской культуры, коренных интересов самых широких слоев китайского народа”⁶. А прошедший в ноябре 2002 г. XVI съезд КПК включил идеи “тройного представительства” в Устав КПК, и отныне теоретической основой партии стали: марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина и идеи “тройного представительства”. Это означало на практике, что вступление в КПК становилось открытым практически для всех слоев населения, включая долларовых миллионеров и миллиардеров, которых в КНР ныне больше, чем в любой другой стране, кроме США. Хотя по данным китайского исследовательского института Nurgun, в 2014 г. в КНР их было чуть больше, чем в США.

Лидер четвертого поколения руководителей Ху Цзиньтао (Генсек ЦК КПК — в 2002–2012 гг., председатель КНР — в 2003–2013 гг.) в обстановке сильной поляризации общества выдвинул новый лозунг: “Пусть в стране станет меньше бедных!” и во время работы XVII съезда КПК (2007) поставил задачу достичь общества средней зажиточности (“сяокан”) к 2020 г. И хотя действительно число бедных сокращалось, но число богатых росло еще быстрее. Снизился и накал борьбы с коррупцией. А международный скандал с партийным секретарем самого большого в мире города Чунцин (32 млн чел.), членом Политбюро ЦК КПК Бо Силайем, злоупотреблявшим своим служебным положением и не брезгавший коррупционными доходами, разразился лишь потому, что связан был с убийством по заказу его жены британского гражданина.

Лидер пятого поколения руководителей Си Цзиньпин (генсек КПК и председатель КНР с 2012 г.) столкнулся с новой проблемой: появлением, условно говоря, китайского “нового класса” в лице государственной и партийной верхушки, которая стала жить на широкую ногу как за государственный счет, так и за счет коррупции. На волне быстрого экономического роста и национального богатства немалая часть правящей элиты стала обзаводиться виллами, большими квартирами в элитных домах, отдыхать на самых дорогих курортах мира, носить часы стоимостью в сотни тысяч долларов, использовать в личных целях наземный и воздушный транспорт, устраивать за государственный счет бесконечные презентации, корпоративы и пр. Китай стал едва ли не основным в мире приобретателем того, что называется роскошью. И Си Цзиньпин решил покончить со “сладкой жизнью” “нового класса” и начал с того, что призвал правящую элиту вести себя скромно и стал сам подавать пример такого поведения. Отслеживанием доходов и расходов управленцев стала заниматься Комиссия КПК по проверке дисциплины. Тут, однако, следует сделать оговорку: в Китае часто совмещаются партийные и государственные должности. Скажем, губернатор или мэр является в то же время и партийным секретарем. На деле Комиссия КПК стала основательно заниматься выявлением коррупционных связей в органах управления и, как результат,

⁵ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Сборник статей 1982–1987 гг. — http://www.skmr.ru/library_library_files/dxp.htm

⁶ Баттенова З.С., Абилова Г.К. Идеи “тройного представительства” Цзян Цзэминя. — <http://articlekz.com/article/7289>

на скамье подсудимых оказались и бывшие члены Политбюро ЦК КПК, и генералы, и другие высокопоставленные особы. Причем это не отдельные люди, а большие группы связанных коррупционными связями должностных лиц. Так, в исследовании китайского издания “South China Morning Post” говорится о “Группе Чжоу Юнкана”, в которую входили Чжоу Юнкан – член Политбюро ЦК КПК, курировавшие силовые ведомства от партии; Ли Дуншэн – бывший замглавы МВД; Юй Ган – замглавы офиса Политико-юридической комиссии КПК; Тань Хун – один из крупных чиновников МВД, глава Управления охраны; Ли Хуалинь – замглавы нефтяной корпорации Синопек; Цзи Вэнлинь – глава обкома провинции Хайнань; Го Юнсян – замгубернатора провинции Сычуань; Ли Чуньчэн – глава НПКС Сычуани; Тань Ли – замгубернатора провинции Хайнань; Лю Хань – угольный магнат провинции Сычуань. При этом указанное издание называет и другие коррупционные группировки: “Шаньсийская банда”, “Юньнаньская вотчина”, “Банда Цзянси”, “Группа Вань Цинляна” в Гуанчжоу и др.⁷

То, что расхищения государственных средств и масштабная коррупция осуществляются большой группой должностных лиц, связанных между собой корыстными интересами, явление общемировое. Россия по этой части занимает далеко не последнее место, другое дело, что такой масштабной борьбы с коррупцией, которая, невзирая на лица, и раньше велась в Китае, и только усилилась при Си Цзиньпине, мы пока не видели. Спорадически у нас появляются то “оборотни в погонах”, то “преступное сообщество” губернатора Коми В.М. Гейзера, но системной борьбы с коррупцией не ведется. Притом что ни один подозреваемый в коррупции высокопоставленный чиновник, даже в ранге замминистра, не был осужден.

Но, как и следовало ожидать, лидер пятого поколения руководителей Китая не мог ограничиться только борьбой за экономию государственных средств на содержание управленческого аппарата и с коррупцией и не выдвинуть мобилизующей общество идеи. И это произошло 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки “Путь к возрождению” в Китайском национальном музее, когда Си Цзиньпин выдвинул идею “китайской мечты”. Это более масштабная цель, чем реализация “сяокан”, когда каждый китаец должен получить минимум благ. “Китайская мечта”, сказал Си Цзиньпин, – это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь.

Обращает на себя внимание то, что устами первого руководителя государства Китай впервые заявил о своих интересах не только в отношении внутреннего развития и международных экономических связей, но и о своем новом месте на мировой арене, которое бы соответствовало его экономической и военной мощи. Но этого и следовало ожидать. Китай стал космической державой, создал один из самых быстрых в мире компьютеров, ядерный реактор четвертого поколения на быстрых нейтронах, который во много раз эффективнее обычного реактора и требует меньше урана. Выпускает 22 млн автомашин, имеет самые большие в мире валютные резервы, которые хотя и сильно сократились в 2015 г., тем не менее, по данным на 31 декабря 2015 г., составили 3,33 трлн долл. Его номинальный объем ВВП в 2015 г. достиг 11 трлн долл., а по паритету покупательной способности (ППС) – 19,23 трлн долл., что больше чем у США (18,3 трлн долл.). И этот разрыв в ближайшие годы будет только увеличиваться, поскольку и в годы кризиса рост ВВП Китая (в 2009 г. – 9,2%, в 2010 г. – 10,3%, в 2011 г. – 9,2%, в 2012 г. – 7,6%, в 2013 г. – 7,6%, в 2014 г. – 7,4%, в 2015 г. – 6,9%) в несколько раз выше, чем у США. Быстрый рост Китая пугает многих в США и там все чаще задаются вопросом о будущем США и Запада⁸. И в принятой в марте 2016 г.

⁷ Два года борьбы с коррупцией, которые заставили вздрогнуть китайскую элиту. – <http://www.dakedao.ru/2014/11/10/2-goda-borby-s-korrupsiej-kotorye-zastavili-vzd>

⁸ Ikenberry J. The Rise of China and the Future of the West. – <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2008-01-01/rise-china-and-future-west>

13 пятилетке социально-экономического развития КНР предусматривается рост ВВП в пределах 6,5–7%. По словам министра экономики РФ А.В. Улюкаева, ВВП КНР в 2015 г. примерно в 9 раз был больше российского. И этот разрыв тоже будет, скорее всего, только увеличиваться.

Почему опыт Китая обошел стороной советских и российских реформаторов? Тут было много причин. Во-первых, сильно давил груз резко ухудшившихся советско-китайских отношений. Тут сплелись воедино и идеологические расхождения после смерти И.В. Сталина, и опасная политика Мао, утверждавшего, что империализм – это бумажный тигр и не надо его бояться, и даже если возникнет мировая война, то она похоронит мировой капитализм, что откроет путь победной поступи социализма и коммунизма. Да и несложившиеся личные отношения между Мао и Н.С. Хрущевым. У советского руководства складывалось впечатление, что Мао хочет столкнуть лбами СССР с Америкой, чтобы Китай в итоге стал вершителем судеб мира. В этой ситуации Кремль в 1960 г. отказался передать Пекину обещанные чертежи атомной бомбы, а потом и отозвал из Китая около 1,5 тыс. советских советников и разорвал несколько сот контрактов, что, скорее, было ошибкой. С одной стороны, СССР лишился возможности получать из первых рук информацию о ситуации в Китае и как-то влиять на ход его развития, а с другой стороны, подтолкнул Пекин к улучшению отношений с Америкой. Притом что Китай взорвал ядерный заряд уже в 1964 г. Особенно обострились советско-китайские отношения с началом “культурной революции”, что привело к вооруженному конфликту на о. Даманский в 1969 г. США, естественно, стремились воспользоваться ситуацией, чтобы окончательно оторвать КНР от СССР, но быстро уладить взаимные отношения не могли. Дело в том, что США и многие другие западные страны по-прежнему признавали режим на Тайване, который к тому же занимал место Китая в Совете безопасности ООН, но не признавали КНР. Но так или иначе, после нескольких визитов в КНР американских спецпосланников и президентов США в 1973 г. состоялся обмен дипломатическими миссиями высокого ранга, а 1 января 1979 г. были установлены и полноценные дипломатические отношения.

Во-вторых, во властных и экспертных кругах СССР в период перестройки не складывалось единого мнения о начатых Дэн Сяопином реформах, как и о нем самом. И в МИДе, и в Международном отделе ЦК КПСС еще оставались люди, сформировавшиеся в годы острой идеологической борьбы между двумя странами, и они не очень верили в успех китайских реформ. Тем более что и многие западные аналитики считали неизбежным их провал. Нельзя забывать и то, что, когда уже не было в живых Мао и возрастало влияние Дэн Сяопина (результатом чего стало принятие радикальной программы реформ), Китай в 1979 г. объявил войну Вьетнаму, нашему союзнику, в ответ на помощь вьетнамских войск камбоджийским патриотам избавиться от залившего страну кровью ултралевацкого режима Пол Пота, которого многие годы поддерживал Пекин. Допустим, Дэн еще не обладал всей полнотой власти, поскольку официальный преемник Мао Хуа Гофэн возглавлял партию, был премьером Госсовета и председателем Военного совета ЦК КПК. Однако именно Дэн Сяопин тогда сказал, что мы преподнесли Вьетнаму урок. Нельзя не учитывать и того, что реформы в двух странах шли разными путями: команда Дэн Сяопина делала ставку на экономические преобразования, а М.С. Горбачев и его сторонники – на плюрализм мнений и гласность, с тем чтобы вовлечь как можно более широкие слои населения в борьбу за демократические перемены и не допустить срыва реформ, как это уже не раз случалось в истории нашей страны. А еще надо учитывать то, что в окружении Горбачева было немало ортодоксов, в глазах которых Дэн Сяопин был отступником от марксизма-ленинизма, точнее говоря, конформистом. Ведь он еще в 1961 г. бросил обошедшую мир фразу: не важно, какого цвета кошка, черная или белая, лишь бы ловила мышей. Кстати, эту фразу отправленному в ссылку в годы “культурной революции” Дэн Сяопину припомнил Мао, сказав о нем: “Этот человек никогда не признавал классовую борьбу как решающее звено. Ему все равно – черная кошка или белая, марксизм или

империализм”⁹. Нормализовались отношения между нашими странами только в 1989 г. во время официального визита в КНР президента СССР М.С. Горбачева и его встречи с Дэн Сяопином. Тогда, как сообщали СМИ, Дэн якобы сказал Горбачеву, что Мао Цзэдун говорил о вашем территориальном должке нам, но мы эту страницу перевернули, территориальных претензий к вам нет, и отношения между двумя странами могут нормально развиваться.

Теперь что касается постсоветского периода России. Президент Б.Н. Ельцин, как говорят, по подсказке хорошо знакомого по работе в Свердловске (Екатеринбурге) Г.Э. Бурбулиса, имевшего не прописанную в Конституции должность государственного секретаря, подбирал такую команду, которая бы решилась реализовать модель реформ, созданную в Институте международной экономики, что находится в Вашингтоне (отсюда ее название “Вашингтонский консенсус”). Основные составляющие этой модели: отпуск цен на товары и услуги, как можно быстрая приватизация государственной собственности, сокращение государственных расходов, свободный обмен валютой, открытие экономики для внешней конкуренции. И ее главный принцип: уход государства из экономики, рынок сам все расставит по местам. Первую команду реформаторов возглавили Е.Т. Гайдар и А.Б. Чубайс. Основным теоретиком в команде реформаторов считался Гайдар, который был хорошо знаком с марксизмом-ленинизмом, поскольку работал в печатных органах КПСС журнале “Коммунист” и газете “Правда”. И он, безусловно, знал утверждение К. Маркса и его последователей, что капиталистический строй раньше или позже заходит в тупик и не имеет внутренних ресурсов для трансформации в более высокую стадию развития, соответственно он должен быть разрушен революционным путем. Наверняка он помнил и положение В.И. Ленина о том, что победившие в революции силы не могут воспользоваться существующим государством, они должны его разрушить и создать новое. Есть такая мысль, что положение о невозможности реформировать капитализм было перенесено на реальный социализм и это стало чуть ли не аксиомой среди немалой части демократической общественности России. На деле указанное положение было ложным в отношении капитализма, который в развитых странах уже давно перерос в посткапитализм, или социальный социализм, оно оказалось ложным и в отношении построенного на марксистско-ленинской теоретической основе социализма, о чем свидетельствует опыт Китая. Но есть и другая мысль: идея о неререформируемости социализма родилась вне нашей страны в кругах тех, которые хотели поскорее похоронить социализм как общественную систему. Ну а что касается государства, то на смену опытным кадрам пришло много дилетантов. Притом что самые сильные кадры были не в республиканских, а в союзных структурах, к которым Б.Н. Ельцин питал недоверие.

Чем, однако, руководствовался Ельцин, создавая команду реформаторов из еще не состоявшихся как ученые и не опытных как управленцы молодых людей, ставших известными как “младореформаторы”? Наверное, он понимал, что серьезные ученые и опытные хозяйственники не возьмутся за реализацию чужой модели реформ. В помощь российским реформаторам были приглашены американские советники и реализация этой модели проходила под строим контролем Международного валютного фонда (МВФ), у которого ельцинская команда взяла кредиты. И МВФ поступал так же, как он ныне поступает в отношении Греции или Украины: очередную долю кредита (транш), он дает только при выполнении поставленных им условий. По хорошо известной схеме: внешнеэкономические связи либерализовать, экономику дерегулировать, госсобственность приватизировать, расходы государства сокращать, зарплаты и пенсии урезать, цены на товары и услуги повышать и т.д. МВФ никогда не ставил на первый план вопрос о развитии экономики страны.

Даже невооруженным глазом было видно, что эта модель не подходила для такой огромной и разной по уровню развития, историко-культурным особенностям, климатическим условиям страны, как Россия. Но когда стало очевидно, что при ее

⁹ Цит. по: Малахова Н.М. Дэн Сяопин, китайский лидер. — <http://www.zoroastrian.ru>

реализации идет не реформирование экономики, а ее разрушение, то забили тревогу российские и многие зарубежные ученые. Крупный ученый-математик, академик РАН Н.Н. Моисеев обратился к Б.Н. Ельцину с предложением внести коррективы в ход и последовательность реформ, и тот вроде бы согласился. Но потом выяснилось, что никто из “младореформаторов” даже не заглянул в представленные академиком разработки. Представили свои коррективы российских реформ и направили в адрес президента Ельцина и крупные зарубежные ученые, среди которых были Нобелевские лауреаты В.В. Леонтьев, Л. Клейн, Ф. Модильяни, Д. Норт, Дж. Тобин, Дж. Стиглиц¹⁰. Но никакой реакции с его стороны не было. В научных кругах ходила версия, что президент Ельцин дал своему американскому “другу” обязательство реализовать принципы “Вашингтонского консенсуса” и поэтому никакие ему сторонние советы не нужны.

Но Россия была не единственной постсоциалистической страной, которая взяла на вооружение неолиберальную модель реформ. Через это, например, прошла Польша при президенте Л. Валенсе (1990–1995). Как говорят польские эксперты, политика в Польше в те годы во многом была схожей с политикой российских радикал-либералов. Разница, однако, в том, что в 1995 г. Валенса проиграл президентские выборы социал-демократу А. Квасьневскому (1995–2005) и перекосы, допущенные польскими правыми, были исправлены при власти социал-демократов. В России же до сих пор экономическую политику во многом определяют люди одной и той неолиберальной школы, а в отдельных случаях – и сподвижники Е.Т. Гайдара, как, например, министр экономики А.В. Улюкаев и ректор Института народного хозяйства и государственного управления при президенте РФ В.А. Мау. На правительство работает и НИУ – Высшая школа экономики, научным руководителем которой является бывший министр экономики Е.Г. Ясин. Он же и президент фонда “Либеральная миссия”. Выступая по радио “Эхо Москвы” со своей передачей “Тектонический сдвиг”, он негативно отзывался о китайской экономике, считая ее тупиковой, не способной встать на рельсы инновационного развития. Кстати сказать, он до сих пор положительно отзывался о “Вашингтонском консенсусе”. Показательно и то, что у нас ежегодно проводятся “Гайдаровские чтения”, на которых присутствуют и многие члены правительства.

Конечно, то, что могло сыграть решающую роль в успешном развитии постсоветской России, уже невозвратно. Это, прежде всего, создаваемая в России и для России модель реформ с учетом наших особенностей и национальных интересов. Притом что реформы должны были проводиться без шока, постепенно, поэтапно, с возможными остановками, коррекцией тех или иных мер, как это делалось в Китае по старой поговорке: переходишь через реку, нащупывая камни. И не хаотично по принципу “рынок сам все расставит по местам”, а используя индикативное планирование и не отказываясь от промышленной политики, как это практиковалось не только в Китае, но и в послевоенной Японии. На деле же основные составляющие “Вашингтонского консенсуса” противоречили интересам России. Более того, все то худшее, что есть в нашей нынешней жизни – системная коррупция, организованная преступность, произвол чиновников, укорачивание демократии, вопиющая социальная несправедливость, жалкое состояние науки, деградация реального сектора экономики и острый демографический кризис – в конечном итоге является следствием реализации чужой модели реформ. Гайдар, насколько мне известно, был способным от природы человеком, но ни он, ни его команда глубоко не знали экономической теории. Вот что о них сказал физик с мировым именем академик РАН В.Е. Захаров: «С “младореформаторами” к власти пришли люди, образованные поверхностно, нахватывшиеся обрывков западной экономической науки, “брошюркины дети”. Сегодня стало банально сравнивать их с большевиками, но большевики не только разрушали, но и строили»¹¹.

¹⁰ Богомолов О. Умны задним умом. – <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/umny.doc>

¹¹ Захаров В.Е. Наука в России и современном мире. – Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010, с. 508–509.

Хуже то, что Гайдар не знал логики развития экономики на переходном этапе. Как говорили работавшие с ним люди, он считал, что в постсоветской экономике должны остаться только конкурентоспособные производства. Но такого подхода не было ни у одной успешной страны на переходном этапе! Я уже приводил слова работавшего в Китае в качестве представителя МВФ экономиста Дж. Андерсона. Он говорил, что китайские власти дали предприятиям госсектора достаточно времени на обретение конкурентоспособности. А вот что говорил на эту же тему директор Института экономики РАН (ныне научный руководитель), член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг в ходе беседы с обозревателем газеты “Известия” Е.А. Ямпольской, в нарочито упрощенной форме излагая свою позицию относительно российских реформ: «Я предлагал реформировать экономику постепенно. Вот смотрите: при советской власти были такие длинные трусы – “семейные”. Тем, кто их выпускал, надо было сказать так: ребята, с завтрашнего дня мы вступаем в экономическую гонку с остальным миром, который тоже делает трусы, и получше, чем у вас. Но мы знаем, что если в одну ночь открыть рынки и запустить их сюда, то вам каюк. Поэтому мы идем вам навстречу. В этом году мы повысим таможенные тарифы на импорт. За китайские или индийские трусы людям придется переплачивать вдвое. Но вы должны знать: с каждым годом тариф будет снижаться. Если не сможешь за пять лет добиться, чтобы наши граждане покупали трусы именно твоего производства, то у тебя судьба будет незавидной»¹².

И отказ от государственной поддержки ключевых производств, что предписывалось “Вашингтонским консенсусом”, имел тяжелые для нас последствия. И снова сошлюсь на Р.С. Гринберга, который в качестве главного редактора журнала “Мир перемен” в “Слове к читателю” писал: «Отдавшись 20 лет назад на волю провинциально-инфантильной идеологии “свободного рынка”, сегодня мы платим за это сполна: раньше, например, страна производила 150 пассажирских самолетов в год, а теперь – не более 20. Место же СССР в двойке мировых лидеров авиастроения занял Европейский союз. При этом нелишне напомнить, что появился “Аэробус” вовсе не в результате стихийной рыночной концентрации капитала, а потому, что элита Евросоюза просто решила создать самолет не хуже русского и американского. Договорились: ты будешь делать фюзеляжи, ты двигатель... И получилось»¹³.

Фактически мы потеряли гражданское авиастроение и летный парк наших авиакомпаний в основном состоит из американских “Боингов” и европейских “Аэробусов”. Уже много лет широко рекламируемый как последнее слово российского авиапрома “Сухой Суперджет 100”, производство которого на деле связано со многими, причем жизненно важными комплектующими зарубежных производителей, не оказался удачным и он мало востребован, а судьба разрабатываемого лайнера “МС-21” с двигателем американской компании “Pratt & Whitney” и многими комплектующими западных производителей, в нынешних напряженных отношениях с Западом может оказаться такой же незавидной, как и “Суперджета 100”. Если к этому добавить переход к сборочному производству в автомобилестроении, то о развитии инженерной мысли в России придется забыть. И это неизбежно скажется и наверняка уже сказывается на производстве военной техники XXI в. Еще ни одна страна не доказала, что без развитой промышленности и высоких технологий можно производить военную технику на мировом уровне.

А вот в отношении свободного вывоза из страны валюты что-то и можно было бы позаимствовать у Китая. В Поднебесной не было и до сих пор (по крайней мере до того, как юань станет мировой резервной валютой) свободного обмена валюты. Россия же из-за этого потеряла сотни миллиардов долларов. Вот, например, что пишет по этому поводу живущий в Китае дальневосточник И. Путилов: “Приветствуется конвертирование доллара в юань, но никак не наоборот. Наоборот сложнее. Полной

¹² Ямпольская Е. Директор Института экономики РАН Руслан Гринберг: наш человек – либо барин, либо лакей. – <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article313558/>

¹³ Гринберг Р. Слово к читателю. – Мир перемен, 2010, № 1, с. 5.

конвертируемости юаня не существует, государство лишь обеспечивает обратимость юаня по текущим счетам. Приветствуется неограниченный ввоз иностранной валюты. Вывоз же ограничен. Чтобы перевести деньги за границу, нужно пройти сложную процедуру разрешений и согласований. Этот процесс строго контролируется банками и таможней. Китайские внешнеторговые компании должны перекрывать разрешенный им валютный импорт экспортом китайских товаров. Где только возможно, в оплату импорта иностранцам зачисляется не валюта, а юани. Бегство инвестированного в Китай капитала исключено. Иностранному инвестору, вложившему деньги в оборудование, сырье и прочее, возврат капитала и прибыль может иметь только в виде произведенного товара. Причем по закону 70% товара должно в обязательном порядке вывозиться из Китая, и только 30% можно продать на внутреннем рынке”¹⁴.

В последнее время в иностранной, а нередко и в российской прессе говорится о бегстве из Китая капитала. В условиях наступательной борьбы властей с коррупцией это не исключается, например, через Гонконг, Макао и иными путями. Однако вывод из страны капитала на деле может быть вполне легальным. Китай финансирует или скупает по всему миру нужные ему производства сырьевого и высокотехнологического характера. Кроме того, провинции и местные производители набрали много иностранных долгов, которые так или иначе надо погашать. У нас ведь тоже выплата иностранным финансовым институтам долгов или процентов за лизинг гражданских самолетов нередко трактуется в СМИ как утечка капитала. В то же время есть достоверные сведения, что благодаря коррупционным схемам государственные корпорации в течение длительного времени выводили из страны по 8 млрд долл. в год. Хотя, по правде говоря, для такой страны, как Китай, 8 млрд долл. — это капля в море.

Очень ценен опыт Китая в отношении власти и бизнеса. Бизнес строго защищен законом и действующим по закону судом, для которого нет ни “своих”, ни “чужих”. Причем это в равной мере относится как к государственному, так и частному и иностранному предпринимательству. Рейдерский захват бизнеса, его ликвидация силовиками или недружественное поглощение крупной монополией, как это все еще практикуется у нас, в Китае практически исключены. Там предприниматель, а не силовик и чиновник стоит в центре внимания властей. И руководство КПК спрашивает с партийных секретарей провинций и уездов не за результаты идеологической работы, а за экономические достижения и создание благоприятного инвестиционного климата. Именно снижение деловой активности в одной из провинций заставило центральное руководство поинтересоваться причинами. И когда выявился наезд силовиков на бизнес, то на скамье подсудимых и лишившихся своих постов оказались сотни людей. Таких мягких наказаний, которые у нас обычно несут высокопоставленные жулики, в Поднебесной не бывает. В Китае установлены четкие и всем понятные правила ведения бизнеса и они практически не меняются, как это часто делается у нас. Если, допустим, стоимость взятой в аренду предпринимателем земли вблизи крупных городов по мере их быстрого роста увеличилась в 5–10 раз и даже больше, то государство не будет требовать пересмотра условий аренды. И все это вызывает доверие у зарубежных инвесторов и в то же время является и одной из составляющих привлекательности инвестиционного климата, который мы так и не смогли создать за 25 постсоветских лет.

И особое внимание в Китае уделяется малому и среднему бизнесу. Уже стало привычным слышать, что в России малый бизнес в первую очередь страдает от постоянно меняющихся правил игры, от недоступности кредита и трудностей сбыта производимой продукции, а также от произвола чиновников и силовиков и наезда криминала. И так же привычно слышать с высоких трибун о необходимости принять меры для развития малого бизнеса, играющего такую большую роль в развитых странах, и перестать его “кошмарить”. Примерно 10 лет тому назад генерал-майор милиции в отставке рассказывал, как милиция “выбивала” из мелких предпринимателей деньги на “благотворительные цели”. Если предприниматель отказывался, то “стражи порядка”

¹⁴ Путилов И. Социализм с китайской спецификой. — <http://blogs.amur.info/putilov/2327.html>

под разными предлогами изымала документацию, что означало невозможность ведения бизнеса. В конечном итоге во избежание полного разорения предприниматель сдавался, давал мзду и документы ему возвращались. Мне казалось, что это дела “давно минувших дней”, да и милиция стала полицией. Но, как сказал президент РФ В.В. Путин, в 2014 г. по экономическим статьям было возбуждено 200 тыс. дел. При этом до суда дошли 46 тыс., а 15 тыс. развалились. В итоге 83% предпринимателей, ставших фигурантами таких дел, потеряли свой бизнес. Иначе говоря, а воз и ныне там...

Востоковед В. Невейкин, поехавший в КНР лет 25 тому назад для углубления знаний китайского языка, но в итоге стал успешным предпринимателем, имеющим бизнес в континентальном Китае, в Гонконге, на Тайване и в России. Он оказался талантливым аналитиком и публицистом и поведал нам о многих составляющих успеха китайских реформ и неуспеха российских. Он, в частности, приводил примеры находящихся в глубинке малых предприятий, в которых занято буквально несколько человек, но которые производят качественную продукцию, идущую и в высокоразвитые страны. И понятно, что не они сами, а государство создает им возможности для выхода на национальные и международные рынки. Он же рассказал и о том, как в Китае борются против произвола чиновников и силовиков. С бандитами там никогда не церемонились. «Если к вам зашел кто-нибудь, например, из противопожарной службы, полиции, санэпиднадзора (все эти органы присутствуют в КНР) и вынес предписание, которое повлекло остановку производства, срыв поставок клиентам, а потом выяснилось, что действия чиновника были неправомерны, то государство возмещает вам полный ущерб от этих действий своего чиновника, а затем взыскивает эти расходы с его семьи в широком смысле этого слова (благо в Китае семьи очень большие). Все это распространяется и на таможенную. При этом с чиновников никто не снимает ответственности за противопожарную безопасность и другие функции. Чиновнику лучше самому сбежать купить противопожарное ведро, насыпать ящик песка, попросить у “лаобаня” (владельца бизнеса) разрешение на покупку на покупку лопаты и топора и лично оформить противопожарный стенд, если он считает, что надо усилить меры борьбы с возможными возгораниями... Если есть хоть небольшой намек или сведение, что в проблемах предприятия прямо или косвенно замешаны сами чиновники, то отставка практически неминуема».

И еще несколько слов о стимулах работы чиновников. “Система показателей работы государственного аппарата в Китае, – продолжает Невейкин, – оценка эффективности самих чиновников жестко связана с показателями экономического роста, уровня привлечения инвестиций, объема экспорта и т.д. А вот значимых поощрений за количество выписанных штрафов, дополнительный сбор налогов и других подобных показателей не предусмотрено”¹⁵. И как все это отличается от нашей практики!

Не менее часто, в том числе с высоких трибун, говорится и о необходимости усиления борьбы с коррупцией. Считается, что вред коррупции в том, что она изымает у общества немалую долю ВВП, что уменьшает инвестиции, негативно сказывается на работе государственного аппарата и оказывает разлагающее воздействие на неустойчивых в своих принципах граждан. Все это верно. Но, может быть, не меньшая опасность коррупции состоит в том, что если в ней замешана значительная часть влиятельных высших чиновников, то они будут всеми силами и средствами держаться за власть, даже если страна под их руководством будет тотально деградировать. А несменяемая власть – это прямой путь к краху государства. Притом что, как говорят ученые-психиатры, средства скрытого воздействия на сознание людей в ближайшее время могут достичь такого уровня, что можно будет с помощью часто повторяющихся клипов, интегрированных в записанную речь, песню и даже музыку, заставить избирателей проголосовать за того или иного политика или партию. Для нашей страны, в которой

¹⁵ Невейкин В. Китай: бюрократы с человеческим лицом. – <http://www.novayagazeta.ru/economy/7482.html>

царистские настроения трансформировались в вождистские, а массовое сознание все еще несет на себе печать авторитаризма, это очень опасно.

Коррупция в России – это в каком-то роде уникальное явление. Еще никогда и нигде так быстро не переходила из рук в руки собственность, измеряемая в совокупности триллионами долларов. Это происходило в 90-х годах XX в. в соответствии с философией “Вашингтонского консенсуса”. Притом что высшие госслужащие, включая министров РФ, получали лишь по несколько сот долларов в месяц. И неправдоподобно было ожидать, что по большей части случайные для страны и народа лица, которым не за заслуги, а в силу близости к власти переходила такая огромная собственность, не будут благодарить за это своих “благодетелей”, а те, как один, будут от этого отказываться. Это к вопросу о зарождении коррупции, но не к борьбе с нею.

Если говорить о борьбе с коррупцией в Китае, то нельзя не сказать, что команда Дэн Сяопина использовала опыт борьбы с этим злом в Сингапуре, большинство населения которого составляют китайцы. Как начал борьбу с коррупцией ставший легендарной личностью премьер Сингапура Ли Кун Ю, превративший бывший затхлый британский порт в одно из самых высокоразвитых в Азии государств? Став премьером, он заявил, что с коррупционерами будет вестись беспощадная борьба, не взирая на их заслуги, ни на родственные и дружеские связи. Личные друзья в это не поверили и жестоко поплатились. Ряд министров и высших чиновников, уличенных в коррупции, были приговорены к различным срокам тюремного заключения, другие бежали из страны, третьи покончили жизнь самоубийством. В результате коррупция в Сингапуре практически искоренена. Когда премьера спросили, с чего начинать реформы, он ответил: “Начните с того, что посадите трех своих друзей. Вы точно знаете за что, и они знают за что”. Но в то же время Ли Куан Ю резко повысил зарплату министрам, госслужащим, судьям и т.д. Когда он приезжал в Россию, то он тоже советовал нашим властям бороться с коррупцией теми же двумя методами: поднятием зарплаты управленцам и правоохранителям и суровым наказанием коррупционеров. Только, как нередко у нас случается, мы одно сделали – подняли зарплату министрам, депутатам и другим “слугам народа” до уровня европейской, а о другом – суровом наказании коррупционеров забыли.

Интерес представляет и многое другое, что делалось и делается в Китае. Например, то, какая роль отводится науке. Так, крупные проекты, касающиеся развития страны, готовят три академии – Академия наук, Инженерная академия и Академия общественных наук. Потом они их передают правительству. И уж точно они не предложили бы правительству высокочрезмерные спортивные проекты в то время, как реальный сектор экономики стагнирует, а неразвитая дорожная инфраструктура и логистика, по мнению китайских экспертов, “съедает” несколько процентов ВВП. И нашим соответствующим службам надо было поинтересоваться тем, как быстро и в несколько раз дешевле, чем это делаем мы, китайцы строят скоростные шоссе и железные дороги. Заслуживает внимания очень справедливая налоговая политика с доходов физических лиц. Мы же едва ли не единственная в мире страна, в которой и бедные, и самые богатые платят 13% налог.

Не меньший интерес представляет и то, как быстро в Китае пошла в гору высокие технологии¹⁶. Более того, Китай стал вкладывать средства в американский хай-тек. Как писало американское издание “The Asia Society and Rhodium Group”, в 2010 г. Китай инвестировал в американский хай-тек 1 млрд долл., а в 2014 г. – уже 6 млрд долл.¹⁷ Понятно, что таким образом Китай получает доступ к американским хай-тек. При этом не может не возникнуть вопрос: почему 70% всех расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в КНР покрывает частный

¹⁶ Science and technology in China. – http://wikipedia.org/wiki/Science_and_technology_in_China

¹⁷ High Tech: The Next Wave of Chinese Investment in America. – <http://asiasociete.org/policy/high-tech-next-wave-chinese-investment-america>

сектор, в то время как в РФ его роль минимальна? Наверное, потому, что доминирующий в нашей экономике сырьевой сектор предпочитал покупать в развитых странах машины и оборудование, а не вкладываться в развитие собственной производственно-технологической базы, как это делает Китай. Государство могло бы заставить его поменять приоритеты, но оно этого не делало. Почему? Вопрос остается открытым. Нашим соответствующим службам стоило бы присмотреться и к тому, как быстро в Китае новаторская идея доходит до конвейера, а потом — до потребителя. Но если это было ахиллесовой пятой советской экономики, то для постсоветской экономики стало трудно преодолимой преградой. Как известно, над изобретением графена физики К.С. Новосёлов и А.К. Гейм трудились в России, но получили Нобелевскую премию, работая за рубежом. Как сами они признавались, уехали они из страны только потому, что на родине не надеялись довести свое изобретение до ума. А в условиях наложенных Западом на Россию санкций, которые вряд ли полностью скоро будут сняты, нам жизненно важны собственные разработки машин и оборудования. Но делать это будет очень трудно, поскольку сотни тысяч талантливых ученых, математиков, инженеров, биологов и химиков уехали и продолжают уезжать в США и некоторые другие страны Запада, не находя себе применения в собственной стране.

Было бы, однако, наивно думать, что наши чиновники не знакомы с полезным для нас опытом Китая. Такого просто быть не может! Многие наши официальные делегации с участием экспертов не раз бывали в Китае и многое видели собственными глазами, да и в российском посольстве приезжим из России по официальной линии обычно рассказывают о тех сторонах китайских реформ, которые представляют интерес для нашей страны. Это не говоря уже о том, что наши исследовательские центры, профильные НИИ, и прежде всего Академии наук, регулярно готовят для органов государственного управления аналитические записки, в которых в том числе дают рекомендации, что можно использовать из опыта нашего великого соседа в той или иной области. На деле имеет место невосприимчивость созданных в постсоветской России условий к восприятию положительного опыта других стран. Трудности возникают на каждом шагу и они относятся не только к экономике, но и к политике и государственному устройству. Вот, например, что писало издаваемое Хабаровской краевой благотворительной общественной организацией издание “Зеленый дом” о судьбе малого предприятия по производству свинины. «Чтобы начать производство, — подчеркивалось в редакционной статье, — любому кооперативу необходимо преодолеть не просто административные барьеры, а какую-то глубоко эшелонированную оборону. Требуется получить около десятка различных разрешений и согласований, многие из которых подразумевают дополнительное получение еще нескольких промежуточных. Например, у супругов Нефедовых, руководителей потребительского кооператива “Бекон”, об успехах которого так любит рассказывать наша пресса, почти год ушел на оформление всех необходимых документов. Только задокументированные финансовые расходы на выполнение всех требований со стороны чиновников составили порядка одного миллиона ста тысяч рублей. А вложения непосредственно в создание мясоперерабатывающего цеха — 487 тысяч рублей. То есть затраты денег и времени на согласование и проверки более чем в два раза превышают затраты на организацию самого производства... Не раз приходилось слышать заявления о том, что Россия — особая страна, она идет своим путем... Но значит ли это, что мы непременно должны лезть через сугробы и овраги в обход дороги, уже пробитой и хорошо утоптанной? Почему бы ни взять на вооружение опыт поддержки отечественного производителя, опробованный и оправдавший себя в других странах?»¹⁸.

Востоковед В. Невейкин откликнулся на предложение указанной выше редакции и рассказал, сколько у него ушло на регистрацию компании на Тайване. Сначала надо было вступить в Ассоциацию производителей Тайваня, что обошлось в 400 долл.

¹⁸ Сообщество и Альянсы на Муниципальном уровне. — <http://www.rtf-audit.ru/materials/16?3/01>

Потом зарегистрировать компанию на территории Тайваня. И, наконец, уже можно было начинать производственно-коммерческую деятельность. “Все формальности, — отмечал он, — заняли около месяца с момента нашего приезда. Причем реального времени было затрачено не более трех рабочих дней, а в период ожидания всех необходимых документов мы с нашими специалистами занялись подбором поставщиков, производственных площадок, устройством офиса и другими делами... от Ассоциации мы всегда получали быструю и качественную помощь или дельный совет”. И как подчеркивает Невейкин, за 10 лет работы на Тайване они не видели ни чиновников, ни силовиков, ни тем более бандитов.

А вот при регистрации бизнеса в Благовещенске Невейкину и его коллегам пришлось пройти через те же муки ада, что и супругам Нефедовым. “Нам потребовалось, — пишет он, — около полутора лет на оформление необходимых документов и разрешений и отдельный штат сотрудников — всем этим были заняты три человека: руководитель группы, помощник и курьер. К сожалению, бюрократическая работа на этом не закончилась, более того, это была самая простая ее часть”¹⁹.

И как же при таком убийственном бюрократизме мы можем конкурировать с другими странами, да с тем же Китаем?! А ведь он наводнил своими товарами наш Восток, а изгнать оттуда своего партнера по ШОС, БРИКС и вообще великую страну, с которой у нас еще сохраняются дружественные отношения, не кажется разумным. И так уж не прав живущий в тех краях китайский предприниматель, который сказал: “Ни одна страна не борется так активно со своим собственным производством, как Россия, поэтому мы со своими товарами чувствуем себя здесь вполне комфортно”²⁰.

И невосприимчивость нашей страны к передовому опыту, и губящий все живое бюрократизм, и неразвитие реального сектора экономики — все это в конечном итоге следствие недостроенности нашей экономической и политической системы и государственного управления и вопиющего непрофессионализма многих наших чиновников. Нужна конкуренция! А ее по большому счету нет даже в экономике. Надо вернуть ее во все сферы нашего бытия. Ведь Китай же сумел внедрить конкуренцию не только в экономику и социальную сферу, но и в политическую жизнь даже при однопартийной системе. А у нас в Конституции заложены принцип разделения властей, свобода СМИ, гражданские права и политические свободы. Следовательно, надо наполнить их реальным содержанием. Но это очень сложная тема и о ней надо говорить отдельно.

¹⁹ Невейкин В. Письма издалека. — <http://rtf-audit.ru/materials/16.3/01>

²⁰ Цит. по: Сообщество и Альянсы на Муниципальном уровне.